

СТАТЬИ

МОТИВ СМЕРТИ-ВОСКРЕСЕНИЯ В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ» ДОСТОЕВСКОГО И В «ВОСКРЕСЕНИИ» ТОЛСТОГО

Е.А. Масолова

Ключевые слова: смерть, социальный, психологический, публицистический, христианский дискурс.

Keywords: death, social, psychological, publicistic, Christian discourses.

В воплощенном в художественном произведении биноме «жизнь-смерть» концентрируются все онтологические и антропоцентристские константы, а потому изучение морального кода позволяет приблизиться к пониманию картины мира писателя. Мотив смерти-воскресения – один из важнейших в творчестве Достоевского и Толстого: оба писателя, теряя родных и близких, мучительно размышляли о смысле жизни и смерти; Достоевский, живший среди убийц на каторге и часто сталкивавшийся с гибелью людей, хотел предупредить человечество об опасности пренебрежительного отношения к смерти; с начала 1880-х годов Толстой искал веры в Бога, содрогался при мысли о смерти и хотел дать человечеству веру в то, что служение Богу выведет на правильный путь и искоренит страх смерти. Рассмотрим мотив смерти-воскресения в «Преступлении и наказании» и в «Воскресении». «Диалог» этих романов предопределен уже тем, что в ряде редакций «Воскресения» Нехлюдов передает арестантке Масловой роман Достоевского, но что это за роман, не указывается [Толстой, 1935, с. 154, с. 184, с. 224]; рисуя в «Воскресении» жизнь заключенных, Толстой обращается к «Запискам из Мертвого дома» как к фактографическому источнику. Сопоставление морального кода романов «Преступление и наказание»

и «Воскресение» позволит, на наш взгляд, выявить новые точки соприкосновения художественных миров Достоевского и Толстого.

«Преступление и наказание» и «Воскресение» – романы о многочисленных смертях и убийствах. В «Преступлении и наказании» до начала действия умерли бабушка, младший брат и отец Раскольникова, первый муж Катерины Ивановны, университетский товарищ Раскольникова и его отец, невеста Раскольникова, избитая мужем Марфа Петровна Свидригайлова; из-за издевательств Свидригайлова покончили с собой четырнадцатилетняя девочка и дворовой Филипп. В «Воскресении» до начала романного действия умерли мать Катюши, Николенька Иртенев, сын Катюши, мать Нехлюдова; погибли директор фабрики, многие политические, Смелков. Персонажи Достоевского умирают в основном в Петербурге – смертоносном топосе, сживающем людей со света: убиты Алена Ивановна и Лизавета; умерли Мармеладов, Катерина Ивановна, мать Раскольникова; Свидригайлов застрелился на Петровском проспекте.

В романе Толстого некропространством стала вся страна: тысячи людей умирали в публичных домах, тюрьмах, сумасшедших домах, на каторге, в деревнях, городах, домах младенцев. В «Воскресении» представители исполнительной и законодательной власти множили преступления; правительство задалось целью сделать убийство максимально комфортным для пенитенциарной системы, а потому ввело *«казни электричеством, рекомендуемые Тардом»* [Толстой, 1936, с. 413]. Нехлюдова, впервые столкнувшегося с хладнокровным истреблением людей, возмутил цинизм властей. В стране систематически умерщвлялись младенцы: матери сознательно обрекали нежеланных детей на голодную смерть. Поведая об этом, автор-повествователь крупным планом рисует умирающего от голода бескровного ребенка на руках плачущей матери: *«<...> худая женщина <...> легко держала на руке бескровного ребеночка в скуфеечке из доскутиков. Ребенок этот не переставая странно улыбался всем своим старческим личиком и все шевелил напряженно искривленными большими пальцами. Нехлюдов знал, что это была улыбка страдания»* [Толстой, 1936, с. 215–216]. Дмитрия неоднократно будут терзать воспоминания об умирающем от недокорма ребенке, и перед мысленным взором Нехлюдова встанет череда детей, которые *«перед скорой голодной смертью старчески улыбаются, суча ножками»* [Толстой, 1936, с. 239].

В обоих романах царит агрессия, порождающая смерть. В «Преступлении и наказании» мужчина зарезал восьмилетнего мальчишку за его насмешки; сокамерники хотели убить Раскольникова

как безбожника. В «Воскресении» отравлен и ограблен Смелков; Макар хотел убить и ограбить крестьянина.

В «Воскресении» нет общения с призраками: Толстому была чужда вера в жизнь после смерти. В «Преступлении и наказании» существует связь между миром живых и мертвых: призраки вторгаются в жизнь, внося тревогу. По народным представлениям, увидеть во сне мертвеца предвещает опрометчивый несчастливый брак и/или болезнь и смерть. Свидригайлов объясняет появление призраков началом болезни человека: *«Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку <...> их незачем видеть <...> а чуть заболеешь, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен ты, тем и соприкосновений с другим миром больше»* [Достоевский, 1957, с. 299]. К Свидригайлову являлись призраки Фильки и жены. Будучи пришельцем из другого мира, призрак обладает «избыточным» знанием судьбы (согласно поверьям). Марфа Петровна, гадая своему убийце на картах перед дальней дорогой, осудила его намерение жениться, сказав, что женитьбой он только людей насмешит. Слова призрака оказались пророческими: Свидригайлов, вынуждавший Дуню стать его любовницей, – осмеянный «жених», оставшийся тогда в живых потому, что револьвер дал осечку. Марфа Петровна явилась матери Раскольниковы и осуждающе посмотрела на нее. Призрак Марфы Петровны приходил во сне к тем, кто умрет на страницах романа. Раскольников сказал Соне: *«Вон какая у вас рука! Совсем прозрачная. Пальцы, как у мертвой»* [Достоевский, 1957, с. 326]. Сравнение Сони с мертвой не случайно. Призрак Мармеладова явился Соне и поманил за собой, но та нашла в себе силы нести свой крест дальше.

Достоевский и Толстой рисуют «живых в гробу», «духовных мертвецов», метафизически мертвых людей, чья духовная смерть изображается как тяга к внутреннему разрушению человека и распаду душевных связей, склонность к агрессии и убийству, готовность к суициду, потеря рассудка. Метафизически мертвые персонажи – люди с остановившимся сознанием, погрязшие в самодовольстве, бессовестности, цинизме, корыстолюбию, лжерелигиозности, амбициозные, ненавидящие всех, одинокие, нелюбимые. Лужин, Свидригайлов, Марфа Петровна, Лебезятников, Алена Ивановна, Раскольников-убийца, Порфирий Петрович и многие другие духовно мертвы. В «Воскресении» метафизически мертвы 1) светские люди, в том числе служители Фемиды, 2) арестанты, 3) политические,

4) матери, чьи дети умирали от голода, 5) в начале романа – Нехлюдов, смотревший на жизнь с безгливостью и не желавший ничего менять; испытывавший на суде при узнавании Катюши омерзение к своей прошлой жизни, Дмитрий почти до конца романа не понимал, каким хочет видеть себя, а потому порой собирался отказаться помогать Катюше.

В романах Достоевского и Толстого отношение к смерти различается у совестливых и бессовестных людей. В детстве Раскольников благоговел перед смертью: на кладбище он почтительно крестился, кланялся, целовал могилы родственников и плакал. Увидев сцену убийства лошаденки, мальчик оплакал ее гибель. Раскольников-студент спас на пожаре двух малюток, помогал чахоточному товарищу, ухаживал за умирающими, отдал последние деньги на похороны Мармеладова; в готовности помогать людям Раскольников был отчасти отражением Сони, которая ценой самопожертвования спасала от голодной смерти детей Катерины Ивановны. На панихиде по Катерине Ивановне он испытал мистический ужас. Защищая честь Дуни, Раскольников хотел убить Свидригайлова, но это не имело ничего общего с убийством старухи ради проверки себя на соответствие имиджу властелина толпы.

Сюжет «Преступления и наказания» выстраивается как рефлексия и напряженные идеологические дискуссии о смерти, о праве проливать «кровь по совести». Раскольников, один из создателей идеи убийства «ничтожных вшей», тщетно искоренял в себе жалость, чтобы стать хладнокровным убийцей. Вынашиваемая Раскольниковым идея убийства старухи соотнеслась в его сознании с воспоминанием о гибели лошади: душой герой понимал ужас задуманного убийства. Родион предрек смерть Пульхерии Александровне, почувствовав, что матери не справиться с правдой о том, что ее сын – убийца. Но пока Раскольников не осудил совершенное убийство, он не смог оплакать смерть матери.

Порфирий Петрович рассказал Родиону, как один человек, возмнив себя убийцей, приписал себе чужую вину. Слова следователя – своего рода прелюдия к появлению Миколки, который решил выдать себя за убийцу старухи-процентщицы. В романе Достоевского происходит «совпадение» имен: Миколка – убийца лошаденки и Миколка – убийца-самозванец. В дублировании имен – соединение интенций убийства, реального и гипотетического. Убийца-самозванец спутал планы Порфирия Петровича, желавшего как можно скорее уличить Раскольникова в преступлении. В «Преступлении и наказании» все герои взаимоотражаются друг в друге, большие мечты одного героя «перетекают» в бред другого; а потому второй Миколка

мог быть порождением всеобщего бреда, в том числе и бреда Порфирия Петровича, и тогда убийца-самозванец – голос совести Раскольникова, который измучился от воспоминаний о преступлении и хотел бы вытравить его из памяти, стать не причастным к убийству, не выгораживая при этом себя и не перекладывая свою вину на другого.

Деяние Раскольникова оказывается неоднократно осмеянным. Мещанин зловещим и мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова и *«тихим, но ясным и отчетливым голосом»* [Достоевский, 1957, с. 283] проговорил: *«Убивец»¹* и, как показалось Раскольникову, *«улыбнулся своею холодно-ненавистною и торжествующей улыбкой»* [Достоевский, 1957, с. 283]. В бредовом сне Родиона убитая старушонка беззвучно смеялась над ним. На каторге сокамерники, будучи преступнее Раскольникова, презирали Родиона и смеялись над его преступлением.

Свидригайлов, доведший до суицида трех людей, боялся смерти и разговоров о ней. В Свидригайлове соединились трусость и желание властвовать над другими; в этом он и Раскольников были отчасти схожи.

Возможностью убийства испытывается и Дунечка: она дважды выстрелила в Свидригайлова, но в итоге отбросила револьвер. Для Сонечки смерть – непоправимое горе; не случайно на ее руках умирают Мармеладов и Катерина Ивановна, и Соня оплакивает их кончину.

В «Воскресении» смерть Смелькова сначала предстала как заурядное уголовное происшествие. На суде озвучены 13 пунктов патологоанатомической экспертизы; число 13 вызывает аллюзию с евангельской нумерологией этого числа – в сознании читателя Иуда сопоставляется с поведением купца и глумящихся над смертью. Безобразная смерть купца и преступление Дмитрия против Катюши стали следствием продолжающегося забвения Слова Божьего.

Почти все персонажи Толстого безэмоционально воспринимают смерть. В отличие от Раскольникова, Картинкин и Бочкова – корыстолюбцы, безнравственные посредственности, обвинившие в убийстве Маслову. В романе без эмоций говорится о смерти ребенка Катюши: измученная предательством Маслова не нашла в себе силы оплакать ту смерть. Пройдя через невольное убийство Смелькова, она жалела, что не умерла при родах. Тетка Масловой спокойно говорила о поведении матерей, заморивших детей голодом. Брандмайор при виде

¹ В слове «убивец», чья семантика – «душегуб», «грешник», «злодей», в отличие от литературного «убийцы», заключен и парализующий страх, и осуждение преступления.

мертвого переживал лишь об охромевшем коне и сквернословил; доктор забыл снять кандалы с покойника; умерший раздражал конвойных выполнением ряда бюрократических действий. Всеобщее нежелание персонажей Толстого вникать, почему правительство истребляет своих сограждан, – свидетельство нарастающего безумия. «Интеллигентные» люди относились к смерти как к игре, способу пощекотать себе нервы, любовались в театре изображением смертей. Посещение панихиды воспринималось ими как продолжение театрализованного действия и повод для флирта: уезжая на панихиду, Mariette пригласила Дмитрия к себе, чтобы продолжить его оболъщение.

В романе Достоевского идея «крови по совести» вынашивалась и осуществлялась «мечтателями» и «подпольными» и предстала как бред амбициозного полунцига, мечтавшего стать Наполеоном и «осчастливить» человечество. Эта же идея в романе Толстого внедрялась на государственном уровне и оформилась как стратегия истребления людей во имя «спасения» человечества. Увлечение политикой, по Толстому, привело к тому, что люди стали оправдывать убийства как средство «облагодетельствования» человечества; убийцы получили (если воспользоваться словами Разумихина) *«официальное разрешение кровь проливать, законное»* [Достоевский, 1957, с. 274] и залили страну кровью; разница лишь в количестве убитых: у Раскольникова – запланированное убийство старухи и «случайное» убийство Лизаветы, в романе Толстого – тысячи загубленных жизней, среди которых были и «случайные убийства», когда в перестрелках в темноте убивали невиновных. Политические, не задумывавшиеся о безнравственности убийств, шли на каторгу с осознанием выполненной миссии и были в разы преступнее Раскольникова.

Смерть Крыльцова – метафора обреченности политических: мысли о смерти привели его к желанию множить смерть; умирая, он не раскаялся в стремлении политических разрушить все, между приступами рвоты говорил о желании убивать и буквально захлебнулся своей кровью.

У Нехлюдова меняется отношение к смерти: не испытав жалости к умиравшей матери, которая многие годы хотела сделать из него развратника, он пережил шок, столкнувшись с обыденностью смерти. Оказавшись в камере, куда вносили мертвецов, Дмитрий увидел сумасшедшего, который повторял: «Не испугаете, не испугаете» и плевал в сторону фельдшера. В «Воскресении» вся страна стала метафорой тюрьмы, населенной сумасшедшими.

В обоих романах люди пытаются свести счеты с жизнью. При виде утопленницы Раскольникову стало противно и гадко; но после гибели Мармеладова он провоцировал Соню на самоубийство как на самый легкий способ решения проблем; когда же Соня в ужасе отказалась, то Раскольников решил, что Соня – юродивая. Свидригайлов исключал для себя возможность раскаяния; пойти на каторгу у него не хватило бы сил, и он застрелился, испытав омерзение к себе. Раскольников был слишком горд, чтобы повторить выбор Свидригайлова, хотя и неоднократно думал о самоубийстве. В «Воскресении» замужняя любовница Нехлюдова бросилась топиться в пруду, что выглядело как эпатажный фарс; беременная Катюша была готова броситься под поезд; политический Петров зарезался стеклом; Неверов повесился в сумасшедшем доме. Для Достоевского и Толстого самоубийство – величайший грех, маркер недостойного поведения.

В романе Достоевского не было смертной казни. Но накануне и после убийства Родион чувствовал себя как приговоренный к смерти и дошел до расстройства психики. По Толстому, казнь страшнее убийства: осужденный, лишенный шансов на спасение, живет, ожидая смерть и тщетно стараясь ее оттянуть. Крыльцов рассказал Нехлюдову о последних часах жизни Розовского и Лозинского, которых казнили за попытку отбиться от конвоя. В ожидании казни они паниковали, не хотели верить в грядущее небытие. Все звуки на рассвете перед казнью казались арестантам странными и зловещими: и голос охранника, приказавшего смертнику надеть чистое белье, и звук завизжавшей двери, которая повела себя как живое агрессивное существо. Вспоминая ту сцену, Крыльцов от волнения не смог говорить. Портрет Лозинского подтверждает абсурдность гибели юноши [Толстой, 1936, с. 377]. В памяти Крыльцова красивое лицо Лозинского заслонилось осунувшимся серым лицом смертника. Узнав про казнь, Розовский стал лепетать, что ему предстоит долго жить, и впал в истерику. Смертники были обречены на всеобщее равнодушие, не дождался ни от кого сочувствия; свидетели казни были испуганы и подавлены¹.

В романе Достоевского убийства и смерти изображаются глазами разных персонажей, что влечет разные регистры восприятия этих сцен. Убийство старухи дано глазами Раскольникова, который старался вести себя хладнокровно. Раздробленный череп Алены Ивановны вызвал у него желание притронуться к старухе, дабы удостовериться в ее смерти. Позднее все детали убийства будут всплывать в сознании

---

¹ См. об этом: Айзикова И.А. Статья В.А. Жуковского «О смертной казни» в рецепции Л.Н. Толстого // Лев Толстой и время. Томск, 2010.

Раскольников, вызывая страх и омерзение к себе. При описании убийства Лизаветы появляются глаголы, отражающие ужас Раскольникова от содеянного: *«Она так и рухнула. Раскольников совсем было потерялся <...>. Страх охватывал его все больше»* [Достоевский, 1957, с. 86]. Когда Раскольников отмывал топор от крови, он боялся спастись, – и вновь исчезает эмоциональное восприятие убийства.

Описание умирающего Мармеладова безэмоционально, так как дано глазами Раскольникова, который недавно разглядывал убитую старуху, и глазами озлобленных квартирантов. Сцена смерти Катерины Ивановны буквально разрывает душу, потому что описана глазами Сони, для которой смерть – великое горе. Девочка-покойница описана глазами соболезнующего автора и вызывает ассоциации с великомученицей.

В «Воскресении» при изображении умирающих возрастает душевная боль; в описании череды смертей арестантов повторяются детали – трясущиеся на ухабах мертвые, цветовые изменения тел, на лицах покойников проступают красота и нереализованная доброта. Покойницкая вызвала у Дмитрия ощущение обреченности и обесценивания жизни; описание покойников дано глазами уставшего Нехлюдова, а потому безэмоционально, с акцентированием начала перехода тела в тлен.

Достоевский и Толстой «насыщают» сцены смерти запахами, вызывающими неприязнь. Сцена с лежащей в гробу девочкой пропитана ароматами срезанных роз, нарциссов и скошенной травы. Душистый запах цветов выступает как знак смерти: издавна нарцисс – цветок смерти; роза – символ не только любви, но и эфемерности бытия, разврата и гибели; запах скошенной травы связан с угасанием жизни. Аромат нарциссов, роз, скошенной травы и преследующий Свидригайлова запах мышей – маркеры его нравственного падения и предвестники смерти¹. Идущий от матери Нехлюдова тяжелый запах умирающего – подтверждение аморальности ее жизни.

В обоих романах воспоминания об умерших заставляют героев стать лучше. Воспоминания об убийстве Лизаветы угнетают Раскольникова и ведут его к раскаянию; воспоминания об умершей невесте облегчают ему признание в убийстве: перед тем, как идти в полицию, Родион целует портрет невесты. Воспоминания о

---

¹ См. об этом: Семькина Р.Н., Масолова Е.А. Достоевский и Толстой: ольфакторный код романов «Преступление и наказание» и «Воскресение» // Толстовский сборник – 2012. Тула, 2012.

Николеньке помогают Дмитрию встать на путь добра, а воспоминания о Крыльцове заставляют настойчивее искать смысл жизни.

В романах Достоевского и Толстого параллельно умерщвлению людей идет процесс преодоления смерти. Непростым путем Раскольников и Нехлюдов идут к своему воскресению. Навязчивый бред Раскольникова о крови, пропитавшей все вокруг, – свидетельство его возрождения. Со второй части романа у Раскольникова возрастает страх от содеянного; лихорадка героя – показатель просыпающейся совести. Мать Родиона верила, что ее сын через девять месяцев вернется в новом облике и будет жить в ее комнате, – Раскольников раскается в преступлении через девять месяцев пребывания в остроге.

После суда Дмитрий решил загладить вину перед Катюшей. Для Нехлюдова совместились картины грустно-нелепой жизни и смерти, он увидел безумие социального мира; частотность убийств вызвала у Дмитрия мысли о социальной несправедливости. Автор полностью разделяет его позицию, что проявляется в отсутствии каких-либо комментариев к внутреннему монологу героя [Толстой, 1936, с. 349–350].

Пройдя через многократные испытания смертью, Нехлюдов понял ее чудовищность, стал отрицать законы общества, обрекающего людей на смерть. Размышляя о жизни, Нехлюдов выявляет социальные причины вымирания крестьян; мысли героя тождественны идеям в публицистических статьях Толстого [Толстой, 1936, с. 217–218].

Семантика заглавия романа Достоевского содержит осуждение писателем своих персонажей и последующее преобразование убийцы в раскаявшегося, а потому воскресшего человека. В.И. Габдуллина подчеркивает, что в двусоставном названии романа Достоевского, где, как и в структуре притчи, повествуется об уходе и возвращении блудного сына, «заключена мысль о неотвратимости нравственного закона, составляющая основу евангельской притчи. Мотив блудного сына прочитывается на метафизическом уровне сюжетного повествования в истории отпадения Раскольникова от Дома и его возвращения. Сюжет романа “Преступление и наказание” укладывается в мифопоэтическую схему: уход – испытание и искушение – возвращение и покаяние» [Габдуллина, 2008, с. 181].

Преодоление смерти – и в названии романа Толстого, которое 1) апеллирует к Христову Воскресению, 2) акцентирует, что речь пойдет о воскресении духовно мертвых людей, 3) имплицитно воспроизводит идеи Евангелия и выступает как притчеобразное начало, а сам роман предстает как притча, повествующая о смене

безнравственной картины мира героя на христианскую, о воскресении человека и грядущем воскресении человечества.

Велика роль природы в победе жизни над смертью в обоих романах. В «Преступлении и наказании» благотворная природа находится за пределами Петербурга. Герой за час до убийства грезил об оазисе – символе покоя и счастья вне цивилизации. Мечтая о возведении высоких фонтанов, которые бы освежали воздух на всех площадях, Раскольников хотел раздвинуть Летний сад до необозримых границ. Представляемый героем образ сада нес семантику простора, свежести, гармонии и соответствовал мифологеме земного рая; фонтан и ручей из грезы героя символизировали духовную потребность в воскресении. Для Раскольникова выход из смертоносной цивилизации сопряжен с миром Божественного, с чистым воздухом, простором Иртыша. В начале романа Толстого люди стремились истребить все живое, но вечно обновляющаяся природа побеждает амбициозного человека, являясь залогом торжества жизни над смертью и предчувствием духовного преображения людей.

Онейрический код в романах Достоевского и Толстого также связан с преображением героев. Сон Раскольникова про умирающую клячу доказывает его неспособность быть убийцей; бред Родиона о моровой язве есть материализация плана истребления людей; герой осознает необходимость отказа от идеи убийства, – и воскресает. В «Воскресении» мотив сна-смерти подчеркивает усталость человека от жизни. В главе XXIV части второй романа Нехлюдов испытал отчаяние от того, что не мог нести в мир добро, и заснул тяжелым сном, похожим на сон после большого карточного проигрыша. Сон – аналог смерти; Нехлюдову надо было пройти через оцепенение, чтобы преодолеть духовную стагнацию. Мотив возрождающейся жизни заглушил тягостные сны – Нехлюдов проснулся преображенным, с четким намерением отдать землю крестьянам и неуклонно идти по стезе добра.

Обращение к Евангелию (христианский дискурс) в романах Достоевского и Толстого наставляет героев на путь истинный. В главе 19¹ от начала повествования Раскольников говорит, что верит в воскресение Лазаря. В оставшихся 22² главах Раскольников идет к своему воскресению из мертвых. Евангельская притча о воскресении

---

¹Число 19 символизирует энергию, направленную на обуздание страстей и на просветление (см: http://yazik-chisel.org/publ/chislo_19/1-1-0-109).

² Число 22 связано с 22 буквами иврита; предстает как число Творца, свет Христа, Свет Мира; символизирует борьбу Бога и Дьявола за душу человека, который ощущает эту борьбу и участвует в ней, чтобы осуществлять замыслы во благо всему народу.

Лазаря задает особый теологический ракурс оценки всего происходящего и предвещает грядущее воскресение Раскольников. По просьбе Раскольникова Соня прочитала ему о воскресении Лазаря; на каторге Раскольников вспомнил об этом, взял из-под подушки Евангелие (то, по которому ему читала Соня), понял правоту убеждений Сони, и на его лице засияла *«зря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь»* [Достоевский, 1957, с. 573].

В финале «Воскресения» Нехлюдов читает притчу о злых виноградарях, которых хозяин предал смерти за то, что они убивали всех, кто напоминал им о хозяине. Эта притча соотносится в сознании Дмитрия с поведением амбициозных современников, сеющих смерть. Нехлюдов убеждается, что только Бог может обречь на смерть противящихся Его воле. Евангельская притча о покаянии грешников смертью помогает Нехлюдову принять решение жить по законам Бога, и герой приходит к своему воскресению.

В «Преступлении и наказании» воскресает только Раскольников, а потому ситуация с его воскресением воспринимается как эксклюзивная. Соня изначально была истинно верующим человеком, самоотверженной праведницей в мире, которая пошла на самозаклание во имя спасения родных от голодной смерти, у Дунечки и Разумихина просветления не было, достойное поведение Лебезятникова в сцене, где он уличил Лужина во лжи против Сони, является исключением из правил и не дает оснований надеяться на его преображение (до такой степени низок и мелок Лебезятников), Свидригайлов самоубийством доказал только осознание подлости своей жизненной позиции и неспособности стать лучше. Толстой же дает ряду персонажей возможность встать на путь духовного просветления (Феничке, Симонсону, Марье Павловне), но воскресает только Нехлюдов, при этом его воскресение становится залогом грядущего преображения человечества, частично уже вставшего на путь просветления.

Итак, в романах Достоевского и Толстого мотив преодоления смерти звучит с самого начала, с названия романа, и доминирует в финале; мортальный код 1) входит в художественный дискурс и соприкасается со следующими дискурсами: социальным, психологическим, публицистическим (с публицистическим только в «Воскресении»), а также с рядом кодов (темпоральным, ольфакторным, колористическим, онейрическим), что создает многоплановую картину вымирающей жизни; 2) предопределен христианским дискурсом и смыкается с ним конце повествования; последняя глава обоих романов изменяет восприятие смерти как небытия.

Литература

- Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. М., 2000.
- Бланшо М. Художественное произведение и пространство смерти // Бланшо М. Пространство литературы. М., 2002.
- Габдуллина В.И. Блудные дети, двести лет не бывшие дома: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф.М. Достоевского. Барнаул, 2008.
- Гарипова Г.Т. Парадигма ценностных концептов русской литературной классики в системе аксиосферы художественного процесса XX в. // Вестник МГГУ. Серия Филологические науки. 2015. № 2.
- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-и тт. М., 1957. Т. 5.
- Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000.
- Кознова Н.Н. Жизнь и смерть в художественном мире Л. Толстого и И. Бунина // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 1998.
- Красильников Р.Л. Образ смерти в литературном произведении. Модели и уровни анализа. Вологда, 2007.
- Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках. Белгород, 2000.
- Семикина Ю.Г. Взаимодействие мотива сна и темы смерти в произведениях Л.Н. Толстого // Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре. Волгоград, 2001.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-а тт. М., 1936. Т. 32.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-а тт. М., 1935. Т. 33.

РЕФРАКЦИЯ ТЕМЫ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А.П. ЧЕХОВА

А.Н. Безруков

Ключевые слова: маленький человек, сюжет, Ф. Достоевский, «Скверный анекдот», А. Чехов, «Смерть чиновника».

Keywords: the «little man», narrative, F. Dostoevsky, «Skvernijj anekdot», A. Chekhov, «Smert' chinovnika».

Обращение к теме *маленького человека* в русской литературе XIX века достаточно стабильно. Данная типологическая модель в рамках литературного эксперимента была воссоздана и у А.С. Пушкина («Станционный смотритель»), и у Н.В. Гоголя («Шинель»), и у Ф.М. Достоевского («Униженные и оскорбленные», «Бедные люди», «Скверный анекдот»), и у А.П. Чехова («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Человек в футляре»). Перспектива разверстки социальной детерминации личности происходит в условиях